

К 100-летию выхода альманаха «Вехи»

Л. Е. Кройчик
ПОКАЯНИЕ



Владимир Ильич Ленин, надо отдать ему должное, всегда хорошо знал, что говорил.

Когда в 1909 г. вышел сборник «Вехи», в котором семь крупнейших российских философов, оценивая происходящее в стране, пришли к выводу, что русская интелигенция ошибалась, подталкивая страну к революции, вождь партии живо откликнулся на эту книгу.

В своей статье «О “Вехах” Ленин назвал сборник «энциклопедией либерального ренегатства», заметив, что статьи «охватывают три основных темы: 1) борьба с идеальными основами всего миросозерцания русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих “ливрейных” чувств (и соответствующей “ливрейной” политики по отношению к октябрьской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 45).

Замечено точно: «веховцы» поставили под сомнение утилитарный прагматизм марксистов, предложив человеку обратиться к вере, к самопознанию; они обратили внимание на то, что политический радикализм к всеобщему благодеянию привести не может; отчуждение государства от общества катастрофично.

Разумеется, Ленину, в планах которого было создание государства диктатуры пролетариата (читай — тоталитарного государства), призывы к пересмотру отношения интеллигенции к революции понравиться не могли: как одни из вождей Российской социал-демократии он хорошо понимал, что если интеллигенция отвернется от идей реформирования общественного строя в России, то революции в ней не бывать.

Деревня была ниша, пьяна и невежественна.

Рабочий класс беспокоило только экономическое положение.

Самые многочисленные социальные группы России к власти не рвались.

Их заботило только личное благополучие.

Крупному капиталу государственные потрясения тоже были ни к чему.

Оставалась интеллигенция — тонюсенькая прослойка русского общества, увлеченная идеями добра и социальной справедливости.

Но какая может быть социальная справедливость в стране, опирающейся на самодержавие?

В стране, в которой отсутствуют политические партии?

Значит — борьба!

А тут — ренегаты, предлагающие отказаться от борьбы!

Было от чего прийти в негодование.

Когда диктатура пролетариата окончательно утвердится в Советской России, руководитель государства распорядится выслать смутьянов за ее пределы.

Не забыл Владимир Ильич философов, покушавшихся на самое святое, — на обустройство страны на принципах безверия, безмолвия и обезличенности.

«Философский пароход», отправившийся в 1922 г. из Петрограда в Европу с двумя сотнями инакомыслящих, спас этим людям жизнь, но не спас страну от интеллектуального разгрома.

Нельзя построить счастье на крови.

Однако, как и по сей день утверждают многие, такое счастливое государство в Советском Союзе было построено.

И товарищ Сталин вместе с господином Столыпиным олицетворяют, как считают сотни тысяч россиян, истинное лицо России.

Так решили свободным голосованием свободные граждане свободной России.

А миллионы, замученных в концлагерях, и «столыпинские галстуки» (виселицы) — не в счет.

В счет — только твердая рука, подталкивающая народ к ясно представляемой вождями цели.

О том, что страну кнутом и пряником загоняли в исторический тупик, миллионы двигающихся к цели даже не подозревали.



А ведь предупреждали!
В «Предисловии» к «Вехам» М. Гершензон, один из авторов сборника, писал: «Мы не судим прошлого, потому что нам ясна его историческая неизбежность, но мы указываем, что путь, которым до сих пор шло государство, привел его в безвыходный тупик» (В поисках пути. Русская интеллигентия и судьбы России. М., 1992. С. 23 (в дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте в скобках курсивом)).

Мне возразят, что никакого тупика не было, что страна в XX в. прошла славный путь:

Днепрогэс, Беломорканал.
Магнитка.
Победа в Великой Отечественной.
Штурм космоса.

«А также в области балета мы впереди планеты всей».

Возникла великая сверхдержава.
И это — правда.

Правда, рождена эта правда на костях.
Днепрогэс, Магнитку, Байконур строили зеки, как и Куйбышевскую и Сталинградскую ГЭС, как и тысячи заводов, магистралей, газо- и нефтепроводов.

Откройте газеты военных лет. Рапорты товарищу Сталину о трудовых достижениях обязательно подписывали не только директёры и секретари парткомов, но и представители НКВД на предприятиях. Страна не афишировала, но и особо не скрывала участие подневольных в строительстве оборонной моши державы.

В фильме «Бумажный солдат» режиссера Германа-младшего мелькнул эпизод: космонавты, готовящиеся к полету, взволнованные инженеры и врачи — и вдруг сжигаемый за ненужностью барак, и сторожевые псы, которых приходится отстреливать тоже за ненужностью. Откуда это?

Да все оттуда же — из горького предупреждения, не услышанного сто лет назад. Б. А. Кистяковский в статье, названной скучно «В защиту права», писал банальные вещи: «Основу прочного правопорядка составляет свобода личности и ее неприкосновенность... Искони у нас было признано, что все общественное развитие зависит от того, какое положение занимает личность» (С. 113).

И что же?

Бухарин расстрелян.

Флоренский сгноен.

Королев и Туполов — в «шарашке».

Шостакович — «сумбур вместо музыки».

Солженицын выслан.

Сегодня с недовольными расправляются с помощью киллеров, которых потом отыскать невозможно.

Да их особенно-то и не ищут.

Почему?

Читайте «Вехи»!

Б. А. Кистяковский объясняет, почему так происходит: «Наше общественное сознание никогда не выдвигало идеалов правовой личности. Обе стороны этого идеала — личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими, были чужды сознанию нашей интеллигентии» (С. 113).

«Вехи» писали об ответственности интеллигентии за все происходящее в стране. Откуда — и упрек в ее адрес. Но адрес этот и тогда, и сейчас нетрудно транскрибировать — речь идет не об интеллигентных людях, а о тех, кто выступает и по сию пору в роли социально-нравственных наставников.

Речь идет не о рабочих и крестьянах, не о тех, кто в обиходе именуется «простыми людьми».

Речь о тех, кто любит витийствовать и не приучен размышлять.

В 1909 г. понятия «интеллектуальность» и «интеллигентия» звучали почти как синонимы.

«Почти» — потому что и в те времена не все так думали. В письме А. С. Суворину, датированном 27 декабря 1889 г., А. П. Чехов сурово отзыается о современной ему интеллигентии: «Вялая, апатичная, лениво

философствующая, холодная интеллигенция, которая никак не может придумать для себя приличного образца для кредитных бумажек, которая не патриотична, уныла, бесцветна, которая пьянеет от одной рюмки и посещает пятидесяткопеечный бордель, которая брюзжит и охотно отрицает все, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать, которая не жениться и отказывается воспитывать детей и т. д. Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях» (Чехов А. П. Собр. соч.: в 30 т. Письма. М., 1976. Т. 5. С. 309).

В сущности авторы «Вех» шли вслед за Чеховым, предъявляя интеллигенции свои претензии. Стояло за этими претензиями одно желание — увидеть другую Россию.

Авторы сборника Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. А. Франк и А. С. Изгоев не столько критиковали революцию как некое социальное действие, они размышляли об ответственности людей, давших революции импульс, идеино ее обеспечивавших.

Главное в «Вехах» — «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого» (С. 23).

Не ново сказано, но ведь забыто.

«Самостояние человека — залог величия его!» — воскликнул некогда Пушкин, но завет этот забыт.

И красивые слова о духовности завершаются чаще всего свечой в правой руке, неловким крещением перед очередной иконой, да всевозможными окроплениями массовых мероприятий — открытых офисов, воинских казарм, концертных залов, мостов и сельских больниц.

Это — апофеоз духовности.

А если пониже — вязкие разговоры о необходимости блести духовность денно и ношно.

Только вот блудится она, эта духовность плохо: то Куршевель подворачивается, то взятка в сто тысяч долларов, то казнокрадство.

Бесстыже живем.

Почему так происходит?

П. Б. Струве объясняет: «Когда интеллигент размышляет о своем долге перед народом, он никогда не додумывается до того, что выражаясь в начале долга идея личной ответственности должна быть адресована не только к нему, интеллигенту, но и к народу, т. е. ко всякому лицу, независимо от его про-

исхождения и социального положения. <...> Это обнаружилось с полной ясностью в революции. Интеллигентская доктрина служение народу не предполагала никаких обязанностей у народа и не ставила ему никаких воспитательных задач» (С. 145).

Отсутствие «воспитательных задач» сняло запреты с инстинктов. Лозунг «Грабь награбленное!» приобрел определенный этический смысл: возвращаем свое.

Остановиться страна уже не сумела.

А, может, — не захотела.

Страна с гордостью пела почти семьдесят лет:

Вышли мы все из народа —

Дети семьи трудовой.

Слово «народ» произносили с торжественным придыханием.

Как причащаясь.

Народный суд. Народные депутаты. Народные защитники. Слуги народа. Народная интеллигенция.

И — как венец — «Народ и партия едины».

Помню Ярославль осени сорок первого. Гитлеровцы в 150 километрах от города. Потихоньку эвакуируют предприятия. У нас дома подготовлены походные рюкзаки с самым необходимым. Так, на всякий случай.

16 октября выпал первый снег, и я, схватив лыжи, отправился на улицу. Неподалеку от дома увидел грузовик, в который какие-то люди складывали чемоданы. Сбоку стояла молчаливая толпа женщин. Из подъезда вышла какая-то женщина:

— Куда бежишь, слуга народа? — негромко крикнул кто-то из толпы.

И люди быстренько разошлись.

Вечером спросил у мамы, кто это уезжал и почему эту женщину так назвали. Мама задумалась (говорить — не говорить), а потом объяснила: «Это, видимо, уезжала работница одной из городских фабрик (она называла фамилию, но я ее, естественно, не запомнил), депутат Верховного Совета».

Мелочь, конечно.

И по сию пору одни гордятся своей белой костью, вторые — принадлежностью к «народу».

Воруют одинаково, врут одинаково, берут взятки одинаково.

Прав был Петр Бернгардович Струве: «Народническая, не говоря уж о марксистской, проповедь в исторической действительности превращалась в разнудзание и деморализацию» (С. 145).

Когда в начале девяностых прошлого века в новой (старой) России «Вехи» были пере-

изданы, их начали перечитывать заново. Выяснилось — правы были авторы сборника: сбылись самые трагические их размышления, описания, предсказания.

Одно не сбылось — призыв к покаянию остался не замеченным.

«В данный час истории, — писал в 1909 году Николай Александрович Бердяев, — интеллигенция нуждается не в самовосхвалении, а в самокритике. К новому сознанию мы можем перейти лишь через покаяние и самообличение» (С. 29).

Призыв к покаянию не был воспринят ни тогда, ни позже.

В конце 1980-х вышел на экраны мудрый и добрый фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», в котором прозвучал знаменитый диалог:

— Эта дорога ведет к храму?

— Нет!

— Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?

Общество надеялось: правящая партия покается и начнется новая жизнь.

Партия не покаялась, и жизнь началась вроде бы новая, но скроенная по старым лекалам. Несмотря на возникновение рынка и провозглашения демократических принципов жизнеустройства, в начале нового века Россия выступила как авторитарное неокоммунистическое государство — господствует одна партия, есть общепризнанный лидер и поклоняются в стране одному идолу — pragmatическому, утилитарному самочувствию.

Понятно, что пафос авторов сборника не сводится только к призывам покаяться: «Вехи» пронизаны пафосом критической переоценки роли интеллигенции, во многом определяющей пути развития русского общества.

Из того, что произошло в 1905—1907 гг. необходимо извлечь уроки.

Признавать свои ошибки трудно. Еще труднее признаваться в собственных заблуждениях.

А было ли с чем расставаться?

Авторы статей отвечают резко — было!

Н. А. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» пишет: «Интересы распределения и управления в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства и творчества...» (С. 25). И далее: «Потребность в философском обосновании своих социальных стремлений стала удовлетворяться диалектическим материализмом. <...> Интеллигенция готова принять на веру всякую философию под тем условием, чтобы она санкционировала ее социальные идеалы. <...> Общественный утилитаризм в оценках всего, поклонение

«народу» — то крестьянству, то пролетариату, — все это остается моральным догматом большей части интеллигенции» (С. 28—29).

Слова эти, сказанные сто лет назад, услышаны не были.

Думать разучились. Творчество подчинили партийному диктату (сие относится не только к художественному творчеству, но и к научному). Достаточно вспомнить борьбу с вейсманизмом-морализмом, утверждение — насилие — в отечественной биологии идей Д. Т. Лысенко; отрицание кибернетики («кибернетика — продажная девка империализма»); свистопляску, устроенную вокруг обнаруженного инакомыслия в языкоznании и экономической науке, бесконечное цитирование сталинских работ, посвященных этим проблемам.

Прагматизм и утилитаризм, доведенный до идиотизма.

— Нам с тобою думать неча, если думают вожди! — иронически заметил по этому поводу Вл. Маяковский.

Вожди думали плохо, что в конечном счете привело к системному кризису восьмидесятых-девяностых годов прошлого века.

Почему так произошло? Мечемся между Востоком и Западом, придумали некую евразийскую модель развития страны, а о национальной самобытности, опирающейся на мировой опыт, предпочитаем не вспоминать.

А зря.

Сергей Николаевич Булгаков в статье «Героизм и подвижничество» обращает внимание на то, что после политического кризиса начала века наступил и кризис духовный, «требующий глубокого, сосредоточенного раздумья, самоуглубления, самопроверки, самокритики» (С. 43).

Получается — собственная душа отечественного интеллигента мало интересует.

Самотворением человек не привык заниматься. Неинтересно ему это.

А с чего начинается самотворение?

С работы души. С веры. С неупокоенности.

Беда наша, по Сергею Булгакову, состоит в нежелании учиться «технике жизни и труда» (С. 47).

В чем беда отечественной интеллигенции?

«Есть здесь и доля наследственного барства, свободного в ряде поколений от забот о хлебе насущном и вообще от будничной, «меншавской» стороны жизни», и «значительная доза просто некультурности, непривычки к упорному дисциплинированному и размеренному укладу жизни» (С. 48).

Хотя есть, замечает философ, «может быть, и не столь большая доза бессознатель-

ного религиозного отвращения к духовному мешанству, к «царству от мира сего», к успокоенному самодовольству» (там же).

Задолго до «Вех» Н. С. Лесков писал о «нетерпеливцах», готовых переустроить Россию по-новому, абсолютно уверенных в том, что России надо. Но Лесков был заклеймен передовой отечественной интеллигенцией за свой роман «Некуда», где это слово промелькнуло.

А потом была и революция 1905—1907 гг., и Февральская революция, и Октябрь 1917 г., и гражданская война.

И один из главных наших слоганов с той поры — «Здесь и сейчас!».

Эволюция требует усилий, планомерной деятельности мозга и рук.

Революция утешается в бунте.

А еще одна беда интеллигенции, по мнению С. Булгакова, то, что ей «особенно в прежних поколениях свойственно... чувство виновности перед народом, это своего рода «социальное покаяние», конечно, не перед Богом, не перед "народом" или пролетариатом» (С. 49).

Отсюда — жертвенность лучших представителей русской интеллигенции, неизменная готовность пострадать за народ.

«Героизм — вот то слово, которое выражает... основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала, причем геройство самообожения» (С. 55).

Сначала самообожение, затем — самообожание: «Интеллигент, особенно временами, впадал в состояние героического экстаза с явно истерическим оттенком, — саркастично подчеркивает С. Булгаков, — Россия должна быть спасена, и спасителем ее может и должна явиться интеллигенция [...] и даже имярек, и помимо его нет спасителя и нет спасения» (С. 55).

Ирония философа вполне объяснима. Тут дело даже не в том, что спасителей имярек много, а Спаситель один. Проблема в том, что внешняя сторона подвижничества очень часто заменяет у нас неустанную работу души.

Показуха души от демонстрации нательного крестика и публичного стояния со свечкой в руках в храме при всем честном народе шагнула куда как далеко!

Один олигарх скапает для Родины яйца Фаберже, второй выкупает и дарит Отечеству коллекцию, собранную в свое время М. Ростроповичем и Г. Вишневской, третий шефствует над детским футболом.

Власть, заботясь о народе, отдает бизнесу на откуп целые регионы, и народ тому рад «Абрамович — наш бог», — говорят на Чукотке), потому что падает на них сверху

малая толика манны небесной и можно жить дальше.

А знаменитый вопрос «Откуда деньги, Зин?» никого не интересует.

И словосочетание «авторитетный бизнес» вошло в наш социальный лексикон, утратив свой базовый смысл...

Авторы «Вех» не занимаются самоистязанием — они призывают взглянуть на духовную составляющую жизни и убедиться в том, что в российском интеллигенте должно быть «сочетание свободно раскрывающейся чувствительности с самосознанием» (С. 96). «Масса интеллигенции была безлична, — грустно констатирует Михаил Осипович Гершензон в статье "Творческое самосознание", — со всеми свойствами стада: тупой косностью своего радикализма и фанатичной нетерпимости» (С. 96).

Извлекли уроки?

Нисколько.

«И тот, кто сегодня поет не с нами, тот против нас!» — восклицает Владимир Маяковский в конце двадцатых годов двадцатого века.

Деление на своих и чужих до сих пор в чести.

Молодежное движение, созданное на рубеже ХХ—XXI вв. демонстративно называется «Наши».

Слово «патриотизм» приобретает в устах очень многих людей явно националистический оттенок.

Виним в собственных бедах кого угодно, только не себя.

Обезличенная маска, одержимая нетерпимостью, превращается в толпу.

А толпа ни за что не отвечает, потому что она бессмысленна.

Круг замкнулся.

Откуда же взяться яркой личности, ежели господствует однородная масса? Ежели «каждая личность духовно осколялась уже на школьной скамье?» (С. 96).

Не отсюда ли торжество охлократии, умело подкармливаемой и поддерживаемой бюрократией.

У толпы есть два очевидных преимущества: во-первых, отдельный человек в ней неразличим; во-вторых, внутри толпы легко ощутить локоть соседа.

Чувство локтя — великое чувство. Оно придает силы. Но оно же — диалектика — подчас оборачивается бессилием: локоть соседа затрудняет собственное движение руки. А иногда и просто освобождает от необходимости совершать самостоятельное движение.

«Я — как и все».

И все проблемы сразу оказываются решенными. Речь идет не об индивидуализме, противопоставляемом коллективизму.

Речь идет о внутренней свободе.

М. О. Гершензон подчеркивает: «Нормальная душевная жизнь требует прежде всего внутренней сосредоточенности и свободы. <...> Индивидуальное сознание по самой своей природе не может замыкаться в себе, не может обособляться от общей жизни разума, и поэтому каждое существенное движение общего разума неминуемо отдается в каждом отдельном сознании» (С. 90).

Слова эти перекликаются со словами А. Ф. Лоëва из его статьи «Работа духа»: «Интеллигентен тот, кто блудет интересы общечеловеческого благоденствия... Интеллигентность свойственна только такому человеку, который является критически мыслящим общественником» (Лосев А. Ф. Работа духа. В кн.: Личное мнение. М., 1990. С. 220).

Критически мыслящих общественников на Руси никогда не жаловали.

Скоморохов били плетьми и вырывали языки.

Князь Курбский оказался в изгнании.

Радищев в ссылке.

Чаадаев объявлен сумасшедшим.

Мандельштама убили.

Солженицына отправили за границу, Сахарова — в Горький.

Это считалось в порядке вещей. Время было такое.

В наши дни критически мыслящая личность тоже никому не нужна. Вспомним судьбу Анны Политковской.

Петр Бернгардович Струве в статье «Интеллигенция и революция», помещенной в «Вехах», полагает, что «идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему» (С. 137).

Если рассматривать взаимоотношения власти и интеллигенции в России в исторической ретроспективе, то так оно и есть. В России испокон веку думающий человек ощущал себя изгоем. А в эпоху диктатуры пролетариата интеллигенция и вовсе была обозвана прослойкой, затесавшейся неизвестно зачем в государство рабочих и крестьян. Рабоче-крестьянское происхождение открывало прямой путь к власти. Представители власти кичились не родовитостью, а мозолями предков.

Нынче положение изменилось, но не сильно. Заметно другое: интеллигенция сегодня (особенно — творческая) — обслуживающий персонал властных структур.

Ее подкармливают.

Ей дают возможность проявить независимость (в пределах дозволенного), но все интеллектуальные усилия думающих людей искусно власть направляет в нужную сторону.

Заметный упадок культуры — печальное подтверждение того, к чему может привести сервильное состояние российской интелигенции.

П. Б. Струве полагал, что все дело в том, что интелигенция забыла о Боге, перестала быть религиозной по своей сути, что забыта основная философема любой религии — «Царство Божие внутри вас есть».

Мне кажется, дело не только в атеистическом мировоззрении, лежащем в основе социалистических идей. Политик или художник, истово молящийся перед телевизионной камерой, недорого стоит, если за осенением себя крестом не стоит искренняя вера в огромные духовные возможности личности.

Даже сегодня, в начале XXI в. нашему обществу не достает торжества Разума, торжества Свободного Духа.

Живем суетливо, безраздумно, не вполне зряче.

Между тем, замечает Сергей Львович Франк, «Нравственность, нравственные оценки и нравственные мотивы занимают в душе русского интеллигента совершенно исключительное место» (С. 154). В душе русского человека, подчеркивает философ, господствует морализм: «Русский человек не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые» (там же).

Жизнь общества, считает С. Л. Франк, «окрашена в морально- utilitarный цвет» (там же).

А в результате фанатизм, доводящий людей, с одной стороны, до величайшего самоизвертования, а с другой — «до уродливо-го искажения всей жизненной перспективы» (С. 155).

Отсюда — свойственный русской общественной жизни нигилизм.

Абсолютное отрицание личного созида-тельного начала.

Нигилизм порождает невежество («не знаю и знать не хочу»), готовность замкнуться в собственных пределах (не случайно тема «границы» сегодня стала активно изучаться в российской культурологии, социологии, философии).

Современному российскому обществу не хватает просторности мышления, хотя, как писали об этом русские философы, художники, литераторы, просторы Отечества как раз способствуют возникновению созерцательности — существенной приметы национальной ментальности.

— Человеку нужен весь земной шар, а не три аршина земли, — горячо призывал А. П. Чехов на рубеже XIX—XX вв., но призыв этот услышан не был.

Проще не созерцать, а отрицать.

С. Л. Франк бросил горький упрек: «Русскому интеллигенту чуждо и отчасти даже враждебно понятие “культура” в точном и строгом смысле слова. <...> Русскому человеку не родственно и не дорого, его сердцу мало что говорит то чистое понятие культуры, которое уже органически укоренилось в сознании образованного европейца. Объективное, самоценное развитие внешних и внутренних условий жизни, повышение производительности материальной и духовной, совершенствование политических, социальных, бытовых форм общества, прогресс нравственности, религии, науки, искусства, словом, многосторонняя работа поднятия коллективного бытия на объективно высшую ступень — таково жизненное и могущественное по своему влиянию на умы понятие культуры, которым вдохновляется европеец» (С. 160—161).

А что у нас?

«Убогость, духовная нишета всей нашей жизни не дает у нас возникнуть и укрепиться непосредственной любви к культуре» (С. 161).

Обвинение сурово, и в какой-то мере оно может показаться слишком уж субъективным: за пределами XX-го в. — «золотой век» отечественной литературы и искусства, в самом разгаре век серебряный.

Плодотворно работает отечественная наука (Менделеев, Павлов, Бехтерев).

На подъеме промышленность.

Но «коллективное бытие» принципиальных изменений не претерпело.

Шумела многопартийная Дума, выходили умные журналы «Мир Божий», «Русское богатство», «Северный вестник», «Мир искусства», «Апполон», страна почитывала «Русское слово» и «Новое время»; «Сатирикон» громил пошлость, а за пределами барских усадеб, дворянских и купеческих особняков лежала нишная, озлобленная Россия, не привычная думать.

И. А. Бунин горько писал в своем романе «Деревня»: «Чернозем-то какой! Грязь

на дорогах — синяя, жирная, зелень деревьев, трав, огородов — темная, густая... но избы — глиняные, маленькие, с навозными крышами. Возле изб — рассохшиеся водовозки. Вода в них, конечно, с головастиками [...] «Пещерные времена, накажи бог, пещерные!» Двор богатый. Но грязь кругом по колено, на крыльце лежит свинья. Окошечки крохотные, и в жилой половине избы, небось, теснота, вечная теснота, полати, ткацкий стан, здоровенная печь, лохань с помоями. А семья-то большая, детей много, зимой — ягнятка, телятка» (Бунин И. А. Собр. соч. в 5 т. М. 1956. Т. 2. С. 64).

Сегодня, понятное дело, той России уже нет. Но какая пришла на смену?

Лишеннная интереса к работе на земле — отучили.

Пьющая, не верящая в свое будущее.

Живущая наугад.

Недоверчиво относящаяся ко всякой власти, поскольку на собственном опыте знает: добра от власти не жди.

Правда, вдруг городская интеллигенция, повинувшись зову предков, потянулась к земле — не к шести соткам дач, а к деревенским домам, к работе на собственном огороде.

Такой рецидив опрошения — смесь народничества, толстовства, и фермерства.

Ищут отдыха от избыточной цивилизации.

С. Л. Франк сто лет назад замечал: «Общий народнический дух выступает в истории интеллигенции в двух резко различных формах — в форме непосредственного альтруистического служения нуждам народа и в форме религии абсолютного осуществления народного счастья» (С. 163).

В альтруизме отечественная интеллигенция не слишком замечена, осуществлением абсолютного народного счастья не озабочена, но о служении народу и о благе народа поговорить любит: на высоких совещаниях в столице и региональных центрах, с экранов телевизоров и в радиоэфире, на конференциях творческих союзов.

Нынешняя интеллигенция хорошо знает, что народу нужно.

Кто виноват, что такое происходит с нами? Сто лет назад в «Вехах» был дан не слишком оригинальный ответ: разлад во взаимоотношениях отцов и детей.

А. С. Изгоев сокрушался в своей статье «Об интеллигентной молодежи»: «Настоящей, истинной связи между родителями и детьми не устанавливается, и даже очень часто наблюдается более или менее скрытая



Михаил Гершензон, инициатор и главный редактор «Вех». Художник Л. О. Пастернак

враждебность... Русская интеллигенция беспомощна создать свою семейную традицию, она не в состоянии построить свою семью» (С. 184).

Вот ведь какой парадокс получается: почти весь двадцатый век строим светлое будущее, а о строительстве семьи забыли, доверившись школе, комсомолу и партии.

— Мы — другие! — запальчиво кричит молодое поколение, отбиваясь от атак старших, призывающих воспользоваться опытом, накопленным ранее.

Тут дело не в забвении каких-то дат, имен, событий.

Тут получается по Высоцкому:

— Ах, ребята, все не так! Все не так, ребята!

Непрочные семейные узы.

Иждивенчество.

Отсутствие интереса к духовной стороне жизни.

Утилитарно-прагматический подход к жизни:

— А что я с этого буду иметь?

И — как следствие — вялая интеллектуальная и социальная мускулатура.

А. С. Изгоев призывал сто лет назад: «Общество требует от студенчества знаний, работоспособности, нравственной выдержанки» (С. 199).

Обращение к студенчеству закономерно: человек учащийся («кликающий», говоря современным языком) — будущее любого общества.

Его надежда.

Я захожу в аудиторию, вижу обращенные ко мне лица, и мне кажется, что еще не все потеряно.

Мне очень хочется так думать.

